

Цзычэ Уци, услышав это, просто развернулся и направился к выходу.

Июй засуетился, преградил ему путь, прислонившись к дверному косяку, и воскликнул:

— Как ты можешь вот так уходить? Я же просил тебя помочь мне найти цвет чистого лазурита! Ну же, погадай на своих стеблях тысячелистника, где он?

Цзычэ Уци недовольно нахмурился:

— В другой раз.

— Нет, — возразил Июй. — Мой лазурит — сокровище, что, если за это время с ним что-нибудь случится? А вдруг кто-то...

Июй продолжал тараторить, как вдруг тело Цзычэ Уци качнулось, и он внезапно рухнул на пол.

Июй осекся, вытаращив глаза от испуга.

Восточный, находившийся в нефритовой шкатулке, тоже был ошеломлен. Шкатулка выпала из рук Цзычэ Уци, и от этого резкого падения Восточный почувствовал себя крайне скверно.

Он уже приготовился к тому, что расшибется в лепешку, но, к его удивлению, Цзычэ Уци, даже находясь в полубессознательном состоянии, успел подхватить шкатулку, смягчив её падение своим телом. Приземлившись, он крепко прижал её к груди.

— Эй, эй? Ты как? Ты что, помер? — Июй не решался коснуться его, опасаясь, что стебли тысячелистника снова накажут его за дерзость. — Слишком уж внезапно ты решил скончаться.

Дыхание Цзычэ Уци было слабым, лицо посерело. На мгновение у Восточного перехватило дыхание — возникло пугающее ощущение, что хозяин шкатулки сейчас испустит дух.

Цзычэ Уци медленно открыл глаза, попытался встать, но не смог.

— Помоги мне подняться, — холодно произнес он.

Июй хотел было съязвить, но, испугавшись ледяного тона, послушно помог ему подняться. Он усадил Цзычэ Уци на кровать, позволив ему полулежать, опираясь на подушки.

Цзычэ Уци продолжал судорожно сжимать шкатулку, и Июй, тяжело вздохнув, заметил:

— Ну и странный ты смертный. Сам при смерти, а всё равно не выпускаешь этот ящик.

Цзычэ Уци промолчал, сосредоточившись на дыхании.

Июй походил кругами вокруг него и пробормотал:

— Эх, по моим расчетам, ты должен был успешно пройти через испытание, но в самый последний момент сам полез на рожон, вмешался в чужие дела, провалил вознесение, да еще и тело с культивацией угробил. А ведь мог бы стать бессмертным, а теперь выглядишь как глубокий старик.

Цзычэ Уци нахмурился, явно утомленный болтовней:

— В мире смертных есть вещи куда важнее, чем статус бессмертного.

— Хорошо сказано, хорошо, — отозвался Июй и, воспользовавшись слабостью Цзычэ Уци, молниеносно выхватил шкатулку из его рук.

Восточного снова тряхнуло, и он подумал, что его красивое лицо скоро превратится в лепешку.

— Отдай, — разозлился Цзычэ Уци, пытаясь подняться, чтобы вернуть вещь, но тело его не слушалось.

Июй усмехнулся:

— Мне тоже кажется, что в этом мире полно интересного, и эта шкатулка меня очень привлекает. Ты болен, измотан дорогой, так что лежи смирно. Я просто поиграю, не сломаю твою драгоценность.

Не успел он договорить, как вскрикнул от боли — ладонь обожгло, и шкатулка, даже не успев открыться, исчезла.

Цзычэ Уци уже стоял у стола, прижимая шкатулку к груди. Одной рукой он поддерживал её, а другой прикрыл рот, тихо кашляя.

Восточный почувствовал, как на шкатулку упало что-то горячее — капля крови, просочившаяся сквозь щели.

Цзычэ Уци поспешно вытер шкатулку платком, а затем смахнул кровь со своих губ.

Июй нахмурился:

— Ну и странный же ты человек.

— Пусть я недолго проживу, — тихо проговорил Цзычэ Уци, — но больше никому его не отдам... Даже если после смерти мне суждено отправиться в ад Восьми Холодов, я не...

Июй прервал его:

— Не будь таким пессимистом. Помоги мне найти лазурит, и я одолжу тебе его на время. Это мое сокровище, а ты всего лишь смертный, но с его помощью точно не умрешь.

Цзычэ Уци, казалось, не заботился о собственном теле. Он лишь погладил шкатулку и спросил:

— Если снова встретишь того человека с белым журавлем на запястье, сможешь его узнать?

Июй закатил глаза:

— По голосу, возможно, узнаю. Лица я толком не видел.

Цзычэ Уци кивнул и, не выпуская шкатулки, направился к выходу:

— Нам нужно как можно скорее добраться до озера Дунши на похороны. Можешь идти с нами.

— На похороны? — Июй рассмеялся. — Забавно, забавно. Никогда не был. Что ж, пойду с вами, а потом продолжим поиски лазурита.

Цзычэ Уци ничего не ответил и вышел из комнаты.

Люди из дворца Юньцзи решили остановиться здесь на ночь. Цзычэ Уци, чувствуя крайнюю усталость, зашел в свою комнату, положил Восточного на кровать и, не успев даже сменить окровавленную одежду, повалился на бок, положив руку на шкатулку, и тут же уснул.

Глядя на его бледное лицо, Восточный впервые осознал, насколько хрупок этот человек, которого все считают непобедимым.

Он знал, что Цзычэ Уци не достиг бессмертия, но думал, что тот просто презирает чины небожителей, а не то, что он провалил испытание.

Цзычэ Уци был настолько измотан, что его жизненная энергия едва теплилась. Восточного это раздражало.

Цзычэ Уци проспал почти до рассвета.

Восточный, который всю ночь занимался самосовершенствованием, хотел было отдохнуть, но Цзычэ Уци проснулся. Он двигался осторожно, словно боясь разбудить кого-то рядом.

Восточный с любопытством наблюдал, как тот наконец переоделся, сменив рваную и окровавленную одежду. При этом глаза Цзычэ Уци задумчиво блуждали, а брови сходились на переносице.

Цзычэ Уци действительно размышлял, и мысли его были далеки от приятных.

Ранее до него дошли слухи, что некие неизвестные люди подняли восстание и атаковали Врата Тридцати Шести Небес. Он отправил своих людей на разведку, и те принесли весть о смерти главы Врат и передали эту шкатулку.

В ней, без сомнения, лежали Скрижали Драконьего Панциря. Цзычэ Уци взглянул на шкатулку. Ученик тогда уверял, что нашел её случайно в яме, словно кто-то выбросил её за ненужностью.

Но Июй говорил, что шкатулку забрали люди, расчленившие Восточного. Почему же они её выбросили вместе со Скрижалями?

Цзычэ Уци чувствовал, что дело нечисто — скорее всего, это ловушка.

И все же...

Переодевшись, он вернулся к кровати, открыл шкатулку и бережно достал Восточного.

Правда это или нет, но Скрижали его мало волновали. Главное, что этот человек теперь рядом...

Восточный, уставший от ночных упражнений, хотел было закрыть глаза, но внезапно почувствовал, что его куда-то несут.

Ощущение было так себе. В конце концов, Восточный был статным мужчиной, а теперь Цзычэ Уци удерживал его одной рукой.

Приоткрыв глаза, он остолбенел: лицо Цзычэ Уци было слишком близко.

Настолько близко, что их носы почти соприкасались, и расстояние продолжало сокращаться.

Сонливость как рукой сняло. Не успел он придумать, как отстраниться, как почувствовал теплые, мягкие губы Цзычэ Уци на своем подбородке.

Восточный был в шоке.

Утром, после пробуждения, Цзычэ Уци не просто оделся — он взял книгу и с благоговейным видом начал её... целовать?

У Восточного в голове все перепуталось. Подбородок зудел от прикосновений, и он едва сдерживался.

Он и не подозревал, что Цзычэ Уци не только выглядит странно, но и в душе у него скрыты куда более причудливые наклонности.

Восточный затаил дыхание, и наконец губы отстранились. Он выдохнул с облегчением.

После этого сна не шло, и вскоре они отправились в путь.

Господин Воци вел людей дворца Юньцзи на похороны главы дома Тан на озере Дунши. Это было важное событие, и собралось немало гостей.

К вечеру они прибыли на место, и ученики дома Тан проводили их в покои.

— Господин Воци, прошу вас отдохнуть, старший господин скоро придет лично, — почтительно сказал ученик.

Старый глава дома скончался, и хотя его сыновья не отличались выдающимися талантами, дом Тан нуждался в новом лидере. Трое сыновей никак не могли договориться, и новый глава еще не был выбран.

Старший сын, узнав о прибытии господина Воци, примчался к нему, надеясь заручиться поддержкой такого влиятельного человека, чтобы укрепить свои позиции.

Он вошел в траурном белом одеянии и поклонился:

— Господин Воци, мой отец до самой смерти вспоминал о вас и жалел, что не может выпить с вами чашу вина.

Цзычэ Уци ответил вежливым поклоном, и старший сын пригласил его сесть.

— Я бесконечно благодарен вам за то, что вы пришли почтить память отца, — с печальным

видом произнес старший сын. — Но есть еще одно дело... Необычное. Боюсь, оно связано с его смертью.

Он говорил торопливо, словно боялся, что Цзычэ Уци откажет, и даже упомянул покойного отца.

— О чем речь? — спросил Цзычэ Уци. — Господин Тан был близким другом моего учителя, я сделаю все, что в моих силах.

— Эти слова придали мне уверенности! — воскликнул старший сын. — Вы, возможно, слышали, что отец умер внезапно, оставив предсмертную записку. Но он был здоров, он не мог совершить самоубийство! Перед его смертью в усадьбе творились странные вещи...

Цзычэ Уци нахмурился, а Восточный в шкатулке наострил уши. Неужели старого главу убили?

Восточный в это не верил. Старый глава дома Тан был ровней учителю Цзычэ Уци, обладал невероятной силой, и обмануть его было практически невозможно.

— Доказательства есть? — спросил Цзычэ Уци.

— Записка существует, — ответил старший сын. — Но она была написана задолго до его смерти, когда он поссорился со вторым братом из-за вопроса о наследстве. Отец был в ярости и написал, что второй брат легкомысленен и не достоин стать главой. Я знал об этом, поэтому считаю, что отец не мог покончить с собой.

Восточный задумался: если второй брат убил отца, зачем ему оставлять записку, которая лишает его власти?

— Вы подозреваете второго брата? — холодно спросил Цзычэ Уци.

— Это... — замялся старший сын, — сложно сказать. Может, и не он. Третий брат тоже... подозрителен.

Восточный едва не прыснул со смеху: старший сын перешел к очернению младшего.

— Третий брат втайне практиковал злые искусства, — добавил старший сын. — Отец узнал и отругал его, но тот не послушался. В усадьбе по ночам постоянно происходят странные вещи...

Дом Тан был знаменитым кланом заклинателей, и хотя их влияние ослабло, никто не осмеливался бросать им вызов.

— В последнее время по ночам в усадьбу проникают злые духи, — продолжил старший сын. — Они не только калечат людей, но и крадут вещи!

Цзычэ Уци приподнял бровь: духи, крадущие вещи, — это было уже что-то новое.

— Что именно пропало? — спросил он.

Старший сын замялся:

— Пока отец был жив, он легко с ними справлялся, но после его смерти...

— Короче говоря, — продолжал старший сын, — когда отец расследовал, кто насыляет духов, выяснилось, что это был третий брат! Отец пришел в ярость, отругал его и посадил под домашний арест. С тех пор духи исчезли. Но в ночь после смерти отца они вернулись, став еще свирепее!

В ту ночь, когда они спорили о наследстве, зазвенели нефритовые колокольчики под карнизами. Они звенели лишь от призрачного ветра.

— Я сразу обвинил третьего брата, но он отпирался, — сказал старший сын. — Духов было так много, что нам пришлось забыть о ссорах и броситься в бой.

<http://bllate.org/book/18938/1855722>